

Поезд в Грозный

(фрагмент романа)

Насекомые

1992

У турника мне повезло: в тайнике на срезе трубы я нашел крошечный сверток из тетрадного листа в линейку. Внутри был глупый вкладыш от жвачки «Love is» и три драгоценные пульки из прозрачного оранжевого пластика. Пульки эти ценились у нас во дворе. Никто не знал, откуда они берутся, но их то и дело находили в кладах. Везло, конечно, только тем, кто знал, где искать. Само слово «пульки» пошло от взрослого Паши, который учился в восьмом классе. Он иногда снисходил до общения с нами и как-то раз поведал, что в Москве у пацанов-мажоров есть пистолеты, которые стреляют такими вот пулями. В нашем городе о таком и не слышали, но пульки все-таки откуда-то появлялись, там, здесь.

Я достал из кармана потертый спичечный коробок с синей надписью «Туристические». Когда-то в нем лежали спички, которые мне подарил брат Борьки Скелетика. Спички давно кончились, но выбрасывать коробок было жалко, и я приспособил его под пульки. Я приоткрыл коробок и аккуратно, по одной, засыпал добычу внутрь. Потом закрыл его и легонько потряс, порадовавшись сытому звуку. Мне даже показалось, что коробок потяжелел.

На краю двора ржавел спортивный городок, сваренный из крашенных труб: турники и лестницы. Я сел за стол в середине городка, высыпал пульки на мокрый картон столешницы и стал считать.

Из третьего подъезда вышел Андрюха Медведенко по прозвищу Медведь. Восемь лет ему было, как мне. Маленького роста, но задиристый и не по возрасту сильный. Его папа был челноком и редко появлялся дома. А маму Андрюхи мы звали Спичкой за тоненькие руки и желтую кожу. Она кричала на нас с балкона, чтобы мы не

шумели, и часто ходила в поликлинику требовать какие-то лекарства. Однажды Медведь услышал, как мальчик из соседнего двора сказал: «Вон Спичка в больничку чешет». Он полез драться и сломал обидчику нос. С тех пор Андрюха на учете в милиции. Мы это поняли, потому что приходил наш участковый Алиев. Он пожал Медведю руку и добавил: «Маладец, пацан».

Андрюха подошел ко мне и предложил:

– Давай драться.

– Зачем?

– Я заберу твои пульки. Ты мне их не отдашь. Придется тебя побить.

– А давай лучше пойдем вместе новые пульки искать?

Я знал: Медведь быстро лезет в драку, но его легко отвлечь.

– Давай, – тут же согласился он. – А ты места знаешь?

– Одно знаю. Под лежащим столбом. Только мне одному его не поднять. Нужно вдвоем.

– Это тебе вдвоем, – засмеялся Андрюха. – А я и один подниму. Пошли.

Давным-давно дедушка с дядей Севой вкопали на краю двора несколько деревянных столбов и протянули между ними веревки для белья. Прошлым летом был ураган, я целый день сидел дома, а когда вышел, один столб лежал на земле. Он скатился в неглубокую выемку, поросшую гусиной травой, и взрослые решили его не поднимать. В этой-то выемке под столбом, думал я, пулек за целый год должно было скопиться видимо-невидимо.

– Отойди, – скомандовал Медведь. – Сейчас я его одной левой.

Я был не против. Упершись ладонями в конец столба, Андрюха напрягся. Кеды бороздили землю.

– Чет не поддается, – пропыхтел он.

– Ну давай вместе.

Вдвоем пошло легче: мы расшатали столб и вытолкнули его из выемки.

– Ничего себе, – сказал я, а Андрюха только присвистнул.

Трава под столбом зачахла, одна сырая пахучая земля чернела, с желтыми прожилками глины. Пулек мы не увидели, да и не думали уже о них, потому что у нас на глазах по всей выемке расползались в разные стороны странные слова. Они жили под столбом давно, забирались сюда с рассветом, чтобы в темноте и сырости переждать зной. Теперь мы с Андрюхой случайно разрушили их убежище, и недовольные слова, перебирая членистыми лапками, засуетились, заспешили прочь.

– Лови, лови, ты че? – крикнул Медведь.

Он нагнулся и ловко схватил двумя пальцами крупный красивый «ваучер» с зеленым блестящим брюшком. Под презрительным взглядом Андрюхи я достал носовой платок с мультяшным зайчиком и этим платком подцепил многоногий «кооператив», который тут же свернулся в шарик.

– Ну и куда их девать? Не в карман же, – задумался Андрюха.

Я огляделся. Потом вспомнил про коробок с пульками, пересыпал их в карман. Новый дом «кооперативу» не понравился. Оказавшись в коробке, он принялся царапать картон и жужжать.

Тут к нам подошел Борька Скелетик. В руке у него была сумка с пустыми бутылками, отец послал в винно-водочный магазин, сдавать.

– Привет. Че делаете?

– Слова ловим, – важно ответил Медведь. – Только складывать некуда.

– А давайте сюда? – Скелетик кивнул на авоську. – Я вам тару, вы мне товару.

Мы наловили слов и рассадили их по бутылкам. Закрывать их было нечем, но слова все равно не могли выбраться. Они скользили по гладким стенкам и вполголоса посылали нам проклятия лихолетья. Ломку от соломки сулили они нам, щелкая

жвалами, да смятение духа от сытого брюха. Мы не понимали их и смеялись над смешными рифмами.

Потом мы расставили бутылки в спортивном городке и решили обменивать пойманные слова на пульки. Борька получил свою долю за тару и остался сидеть с нами.

– Мама говорит, что я торгуюсь как еврей. Так что буду вам помогать.

– Че такое еврей? – недоверчиво бросил Андрюха.

– Это тот, кто в телевизоре работает, – объяснил Борька. – Папа, когда пьяный, кричит, что в телевизоре одни евреи.

– Здорово, – искренне отозвался я. – Хотел бы я стать евреем, когда вырасту.

Мало-помалу собрались покупатели. «Трест» за пять пулек забрала безымянная девочка из первого подъезда.

– Он красивый, – объяснила она. – Как зеленка у мамы на работе.

«Ваучер» купил за шесть пулек взрослый Паша. Родителей у него не было, он жил с дядей Володи, у которого была черная волга.

– Здоровский какой. Блестит. Как дядина машина.

Азамат, чьи родители возили лук из Чимкента, долго торговался и забрал за десять пулек сразу три слова: «бабло», «братва» и «проститутка».

– «Бабло» себе оставляю, – лениво рассуждал он, довольный сделкой. – «Братву» брату задарю. А «проститутку» отвезу в Чимкент, младшей сестренке. «Проститутка» самая красивая, вон какие крылышки тонкие, переливаются. И усики как булавки.

Снова вернулся взрослый Паша, принес десять новых пулек.

– Я еще вот это покупаю, – он ткнул пальцем в бутылку, где вяло шевелила щупиками «УЕ».

– Не-не-не, – решительно замахал руками Андрюха. – Эта моя, эта не продается.

– Ты офонарел, шкет? – холодно процедил Паша. – Я ведь и так заберу.

– Не заберешь, – тихо засопел Медведь, сжимая кулаки.

Паша двинулся было к нему, но тут с балкона завизжала Спичка:

– Андрей, марш домой, обедать!

– Иду! – с облегчением крикнул Андрюха.

Он схватил бутылку с «УЕ» и побежал домой. Паша посмотрел ему вслед, плюнул и ушел. И все остальные тоже ушли, кто с покупкой, кто просто так. Борька Скелетик пожаловался, что теперь ему влетит за стеклотару, и выпросил у меня бутылку с толстым «марафетом», на мохнатых крыльях которого угадывался рисунок черепа.

У меня прибавилось пулек, они даже карман оттягивали. А в спичечном коробке по-прежнему сидел «кооператив». Я принес его домой и посадил в пустую банку. Дедушка только улыбнулся, а бабушка сказала:

– Ты зачем всякую гадость в дом тащишь?

– Это не гадость, а «кооператив», – ответил я.

– Это мокрица какая-то, – не сдавалась бабушка.

– Мокрицы не поют, – возразил я. – А этот, может, и умеет.

Но бабушке было некогда, и она ушла смотреть «Рабыню Изауру». А дедушка ушел в гараж. Я остался на кухне один. Сидел на подоконнике и разглядывал «кооператив» в зеленоватой литровой банке.

В окно мне было видно, как Андрюха Медведь вышел на балкон и поставил там маленький аквариум, затянутый сверху марлей. В аквариуме среди морковной ботвы сидела «УЕ». Безымянная девочка из первого подъезда вышла во двор с граненым стаканом, прикрытым бумагой. Так она выгуливала «трест». Взрослый Паша посадил «ваучер» в банку и выставил ее на подоконник. Азамат бродил перед подъездом с бутылкой из-под газировки, куда разом посадил и «бабло», и «братву», и

«проститутку». Он уже пожалел об этом и теперь, насупившись, следил, чтобы слова не съели друг друга.

На закате слова запели. Первым заскрипел «ваучер», к нему присоединились «УЕ» с «проституткой». Запиликали, расправив подкрылки, «трест» и «бабло». Засвистела «братва», ей подпевал «кооператив».

Они пели о том, как дядя Володя продал свою черную волгу и купил ваучеры, а потом бандиты заставили его отдать все ваучеры им. Взрослый Паша рассказал об этом нам, и Андрюха Медведь предложил побить бандитов, но взрослый Паша только покачал головой.

Как папа безымянной девочки из первого подъезда стал директором треста, а потом кто-то украл оттуда все деньги, и папу посадили в тюрьму.

Как родители Азамата вернулись в Чимкент, ставший Шымкентом, и начали новое дело, но братвы в городе оказалось много, а бабла – мало. Да еще младшая сестра Азамата, на беду, оказалась самой красивой.

Как папа Андрюхи понял, что УЕ – не просто условная единица, а чудесный американский доллар, решил играть на перепродаже валюты и проиграл.

Как мой дедушка вступил в гаражный кооператив, но из-за ошибки в документах лишился гаража. Теперь его жигуль стоял во дворе за проволоочной оградой.

Страшная песня разносилась по двору. Мы слушали в восхищении, потому что были детьми и не понимали слов.

В дверь позвонили.

– Одиннадцатый час, кому это нейдет? – заворчала бабушка.

Пришел Скелетик. Обеими руками он держал бутылку, в которой бился «марафет».

– Слушай, я это... – замялся Борька. – Я тебе его отдать хочу. Страшный он какой-то, не надо. Забери. А еще лучше – выпусти. Пусть другим песни поет. Не нам.

– Да? Ну, ладно. Хорошо.

Я не понимал, как Борька мог отказаться от такого красивого мохнатого «марафета» с черепом на черных крыльях. Вернулся к окну. Слова уже допели и устраивались спать. Во дворе было темно и тихо. Я открыл бутылку и слегка встряхнул. «Марафет» проворно выпорхнул в ночь и улетел. На дне бутылки я заметил золотистую пыльцу с его крыльев. Наверное, он оставил ее, чтобы вернуться.